

ности среди населения, что лишний раз демонстрирует его рвание за будущее российского народа. Но Гермоген велик и как публицист-патриот периода своего патриаршества. Среди его сочинений: патриотические грамоты и воззвания, обращенные к русскому народу (1606–1613 гг.) [6, с. 339]. При нем были изданы: Евангелие, напечатан «Большой Верховный устав» в 1610 году. Итак, можно сделать вывод, что святитель Гермоген был не только православным праведником, но и выдающимся писателем и публицистом конца XVI – начала XVII вв.

Библиографический список

1. Богданов А.П. Русские патриархи (1589-1700). М.: ТЕРРА; Республика, 1999. Т. 1. 495 с.
2. Володихин Д.М. Патриарх Гермоген. М.: Молодая гвардия, 2015. 300[4] с.: ил. (Жизнь замечательных людей: сер. биогр.; вып. 1509).
3. Каравашкин А. В. Литературный обычай Древней Руси (XI– XVI вв.). М.: РОССПЭН, 2011. 544 с.
4. Кедров С. Жизнеописание святейшего Гермогена, патриарха Московского и всея России. М., 1912. 110 с.
5. Лихачев Д.С. Введение // История русской литературы X-XVII вв.: Учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по спец. № 2101 «Рус. яз. и лит.» / Л.А. Дмитриев, Д.С. Лихачев, Я.С. Лурье и др.; под ред. Д.С. Лихачева. М.: Просвещение, 1979. 462 с., ил.
6. Платонов С.Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв. М.: Памятники исторической мысли, 1995. 624 с.
7. Поздеева И.В., Турилов А.А. Тетраги, печатаны в Казань // Журнал «Древняя Русь. Вопросы медиевистики». 2001. №4. URL: <http://www.nature.web.ru/db/msg.html?mid=1187131>
8. Православная энциклопедия URL: <https://pravenc.ru/text/190175.html>
9. Словарь книжников и книжности Древней Руси / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушк. Дом); Отв. ред. Д.С.Лихачев.Л.: Наука, ленингр. отд-ние, 1987 / Вып. 1. (XI – первая половина XIV в.), 1987. 492 с.
10. Творения святейшаго Ермогена, Патриарха Московскаго и всея России, с приложением чина поставления в Патриархи. Издание Церковной Комиссии по чествованию юбилейных событий 1612, 1613 и 1812 годов. М.: Печатня А. И. Снегиревой, 1912. 110 с.

Д.А. Кривова

Самарский национальный исследовательский университет

РОЛЬ КАБИНЕТА МИНИСТРОВ В ОРГАНИЗАЦИИ ОРЕНБУРГСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ (КОМИССИИ) В 1734–1737 гг.

Правительство Анны Иоанновны было заинтересовано в активизации политики России на окраинах. Одним из мероприятий в русле этой политики стала организация Оренбургской экспедиции. Поскольку высшим

органом власти в данный период являлся Кабинет министров, имеет смысл проанализировать, насколько эффективной была роль Кабинета в качестве координатора этого мероприятия.

Что касается историографических исследований по данной теме, здесь нужно сказать о работе Ю.Н. Смирнова «Оренбургская экспедиция (комиссия) и присоединение Заволжья к России в 30–40-е гг. XVIII века», автор которой рассмотрел процесс освоения Заволжья, а также роль самих руководителей экспедиции [9]. Также в процессе написания работы пригодилась монография Н.Н. Петрухинцева, который подробно проанализировал основные направления политики правительства Анны Иоанновны [2]. Источниковой базой исследования в основном послужили делопроизводственные материалы Кабинета министров, включающие в себя журналы Кабинета и приложения к ним [5, 6, 7, 8].

Как известно, инициатива создания и организации Оренбургской экспедиции принадлежала И.К. Кирилову — обер-секретарю Сената. Центральной идеей его проекта была мысль о строительстве города-крепости (будущего Оренбурга) на юго-восточных рубежах Российской империи. По его мнению, новый город-крепость необходимо было сделать главным опорным пунктом края, а от него построить крепости, которые составят пограничную линию. [1, с. 264-265]. Сам по себе проект удивлял масштабностью: предусматривал освоение Дальнего Востока, Чукотки и Камчатки, установление торговых отношений с Японией, присоединение к России почти всей Средней Азии. Для 1730-х гг. проект был довольно утопичен и потому подвергался критике [2, с. 420]. Тем не менее, правительство Анны Иоанновны проявило заинтересованность в проекте. Скорее всего, это связано с тем, что стабилизация положения, как при дворе, так и в государственном аппарате, после нескольких дворцовых переворотов 1725–1730 гг., позволила правительству обратить внимание на восточное направление [9, с. 23].

Представляется, что определенную роль в назначении Кирилова на пост начальника экспедиции сыграла поддержка фаворита Анны Иоанновны — Э.И. Бирона. Так, в письме курляндскому герцогу от 1 марта 1734 г. Кирилов писал: «... кроме вашего высокографского достоинства иной помощи не имею, дабы ваше, высокографское достоинство, старание о пользах Российской империи в бессмертной славе осталось, ибо ныне многим кажется неимоверно не оцененные пользы, объявленные в проэкте моем...» [4, с. 201]. Нельзя отрицать, что проект имел большое значение и для самой императрицы, бывшей весьма равнодушной к «славе Российской империи» и потому заинтересованной в осуществлении этой идеи [2, с. 426].

Итак, незадолго до официального учреждения Оренбургской экспедиции 18 мая 1734 г. был издан именной указ о пожаловании обер-секретаря Сената Ивана Кирилова в статские советники [5, с. 162]. Затем 24 мая того же года был издан указ Сенату о выдаче ст. советнику Кирилову и полк.

Алексею Тевкелеву (назначенного в помощь) не в зачет определяемого жалования, подъемных денег, на отправлении в экспедицию [5, с. 175]. Видимо, протекция Бирона по-прежнему была важна для Кирилова, так как в следующем письме фавориту от 31 июня 1735 г., он сообщал: «Не что иное придало причину получить Всемилостивейшие нашей монархини указы, как вашего высокографского сиятельства милостивое сему новое дело признание» [4, с. 201-202].

На основании проекта Кирилова правительством была составлена инструкция, которая ставила долгосрочные планы по присоединению Казахстана, развитию среднеазиатской торговли, строительству порта на Аральском море и как самую реальную ближайшую задачу – строительство Оренбурга [2, с. 427]. Как гласила инструкция: «Во-первых, нужно, чтоб вышеупомянутый город сделать ... дабы могли с надеждой в том городе купечество селиться, и промыслы и торги порядочно и безопасно распространять...» [3, с. 323].

Но при проведении в жизнь этого обширного проекта руководство экспедиции столкнулось с рядом обстоятельств, затруднивших его реализацию. Небезызвестно, что финансовой базой экспедиции должна была послужить территория Башкирии – по проекту ее предполагалось содержать на довольно незначительные «уфимские прибылые доходы», составлявшие в 1735 г. и 1736 г. всего 5073 и 12495 р. Кроме того, уже само по себе возведение Оренбурга, стратегически запиравшего с юга-востока земли Башкирии, не могло не вызвать возмущения башкирской верхушки, опасавшейся усиления русской колонизации [2, с. 427]. Таким образом, строительство Оренбурга привело к совершенно неожиданному для Кирилова (не осознававшего всей сложности отношений в регионе) ожесточенному конфликту в Башкирии – масштабному башкирскому восстанию 1735-1740 гг. Последнее повлекло за собой резкое ограничение башкирской автономии, заставившее свернуть более «дальние» планы экспедиции [2, с. 422].

Документация Кабинета министров говорит о стремлении правительства установить контроль над данной ситуацией. По именному указу о доставлении в Кабинет ведомостей о «башкирских происхождениих и намерениях», а равно и принятии мер к успокоению башкир от 19 июля 1735 г. становится ясно, что первоначально правительство возлагает на Кирилова ответственность за происходящие события: «Повелеваем вам, о всех башкирских происхождениих и намерениях разведать подлинно...». Если башкирское восстание затевалось на самом деле, Кирилову следовало «в начале добрым способом успокоить и прекратить и отнюдь никакого расширения не допустить» [6, с. 267]. В связи с ухудшением ситуации Кабинет в августе 1735 г. принимает решение о назначении А. Румянцева главным командиром к укрощению башкирского возмущения, с повелением Кирилову вступить в сношение с Румянцевым и сообщить ему все сведения о башкир и способах к их усмирению [6, с. 329].

Любопытно, что несмотря на развитие башкирского конфликта, Кабинет по-прежнему оставался заинтересованным в осуществлении деятельности Оренбургской комиссии. В указе от 31 августа 1735 г. говорилось о продолжении построения им (Кириловым) близ реки Ори крепости и о возвращении их с войском в Уфу лишь в случае нужды по сношению с Румянцевым [6, с. 334]. Вероятно, на решение повлиял тот факт, что сама крепость уже была основана, и отказаться от новых приобретений правительство уже не могло [9, с. 27].

О дальнейшей поддержке правительства говорит и сообщение из Кабинета в Пр. Сенат о назначении ст. с. И. Кирилову и полковнику А. Тевкелеву двойного жалования и рациона, а равно в 1 т. рублей «для трактирования» башкир и прочих «тамошних народов» [7, с. 80]. Хотя во второй половине 1736 г. башкирское восстание было временно подавлено, Кабинет подчеркивал, что постоянно желал быть в курсе судьбы экспедиции — «В прочем, что у вас впредь происходить будет, в Кабинет Наш почасту рапортовать» [7, с. 304].

Сюда же стоит отнести и требование Кабинета от 14 марта 1737 г., объявленное в связи с полученными известиями Кирилова о набегах киргиз-кайсаков «чтобы отовсюду, где известно будет о воровских кайсаках, к нему (Кириллову) прямо присылали известия», учитывая, «что по прежним указам того не исполняли, с наижесточайшим выговором отправить строгие указы», а с тех указов, которые направляются к Кирилову «для ведома, сообщить копии» [8, с. 151]. В тот же день была подписана и резолюция кабинет-министров на «всеподаннейшем доношении из Сената об отпуске 50 тысяч рублей на Оренбургскую экспедицию на 1737 г» (столько же, сколько и за прошлый год), что говорит о том, что правительство по-прежнему оказывало финансовую поддержку [8, с. 152].

Кирилов умирает в апреле 1737 г., в результате чего экспедиция временно утрачивает единое управление. Однако до конца своих дней он продолжал работать — об этом говорит сообщение Кабинета в Сенат, переданное уже после его смерти, о посылке из Сената утвердительных указов о наряде людей по требованию ст. с. И. Кирилова, поскольку «хотя башкирские беспокойства уже и прекращены, ... однако для безопасности и исправления в строении вновь городков» для укрепленной линии нужно отправить людей [8, с. 242].

Итак, подводя итоги вышесказанному, можно сделать вывод, что Кабинет министров пытался координировать работу Оренбургской экспедиции, напрямую ведя сообщение с Кириловым, на которого главным образом была возложена задача по организации мероприятия. По мере ухудшения ситуации в связи с развертыванием башкирского восстания, Кабинет пытался пресечь конфликт при помощи военного давления, а также финансовой поддержки, без которой экспедиция не могла бы осуществлять свою дальнейшую работу.

Библиографический список

1. Носкова О.Л. Иван Кириллович Кирилов и его вклад в развитие Российской науки // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2011. Т. 13. № 1. С. 264-269.
2. Петрухинцев Н.Н. Внутренняя политика Анны Иоанновны (1730-1740). М., 2014.
3. Полное собрание законов Российской империи, изд.1. СПб., 1830. Т. 9.
4. Русская Беседа. 1862. № 2. Кн. 20.
5. СИРИО. Т. 108. Бумаги Кабинета министров императрицы Анны Иоанновны 1731–1740 гг. Т. 3. (1734 г.). Юрьев, 1900.
6. СИРИО. Т. 113. Бумаги Кабинета министров императрицы Анны Иоанновны 1731–1740 гг. Т. 4. (1735 г.). Юрьев, 1901.
7. СИРИО. Т. 114. Бумаги Кабинета министров императрицы Анны Иоанновны 1731–1740 гг. Т. 5. (1736 г.). Юрьев, 1902.
8. СИРИО. Т. 117. Бумаги Кабинета министров императрицы Анны Иоанновны 1731–1740 гг. Т. 6. (1737 г.). Юрьев, 1904.
9. Смирнов Ю.Н. Оренбургская экспедиция (комиссия) и присоединение Заволжья к России в 30-40-е гг. XVIII века. Самара, 1997.

М.А. Бувевич

Самарский национальный исследовательский университет

УКРАИНСКАЯ ЛАНДМИЛИЦИЯ В XVIII в.: ИСТОРИЯ И ОСОБЕННОСТИ

Цель данной работы – проследить историю полков Украинского корпуса ландмилиции в XVIII в. и выявить их отличия от других ландмилицких соединений.

Следует отметить, что данная тема до последнего времени изучалась историками весьма поверхностно. О российской ландмилиции имеются лишь краткие упоминания в трудах, посвященных законодательству Петра I и Анны Иоанновны, фортификации (Ф.Ф. Ласковский и другие исследователи), в общих работах по истории армии. Первым специальным исследованием по этой теме на современном этапе развития исторической науки является статья В.В. Пенского «Украинский ландмилицкий корпус в XVIII веке» (2000 г.), описывающая формирование, расселение и функционирование полков и рот ландмилиции на Украинской линии [4]. Этой же проблеме посвящена диссертация Е.А. Гуковой [2]. Ряд вопросов, касающихся формирования ландмилиции как отдельного рода российских войск, раскрывают работы Н.Н. Петрухинцева [5, 6].

Формирование Российского государства проходило в тяжелейших условиях, одним из которых была постоянная угроза набегов кочевников из южных и юго-восточных степей. Для защиты от них издревле возводились сложные и грандиозные по своему размеру укрепленные засечные линии, оборона которых с XVI в. возлагалась на засечную стражу, состоявшую,